

ПРОБЛЕМА «ЧЕЛОВЕКА» И ВОПРОС О «НИЧТО» В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается позитивное осмысление понятия «ничто» в истории философии, ставится проблема онтологии «человека» в связи с категорией «ничто». Автор, предлагает определить связь «ничто» и сущности человека, обозначенной как «Я». В статье «ничто» наделяется характеристикой «тотального несовпадения», что позволяет не отождествлять «ничто» и небытие, а также не помещать «Я» в небытие при отсутствии совпадения с бытием.

Ключевые слова: «Ничто», небытие, бытие, «Я», Хайдеггер.

В онтологии нет простых тем, и проблема человека в онтологическом контексте – не исключение. Пристальное внимание вопросам о человеке мы находим на протяжении всей истории философии. Однако тот поворот, который произошел в конце XIX – начале XX веков, открыл новые горизонты и пути исследования человека. Мы можем сказать, что этот поворот во многом связан с десакрализацией бытия и человека, т. е. с утверждением «посюсторонности» мира и потери «сверхъестественного»: «Бог умер». Философия и наука далее развиваются именно по этому пути, всё более привязывая человека к «посюстороннему» бытию. Но мы не можем сказать, что религиозная философия исчезла совсем и что мы имеем только одну магистраль исследования человека. Религиозная философия продолжает развиваться, но и она не может игнорировать то, что происходило за её пределами. Такие направления, как феноменология, герменевтика, экзистенциализм и др., оказали на развитие религиозной философии значительное влияние. Так, например, если обратиться к работам итальянского католического богослова и философа Фьоренцо Эмилио Реати [1], [2], то можно увидеть значительное влияние на западную богословскую мысль идей Хайдеггера, Гадамера и других философов XX века. И дело не только в том, что Ф.Э. Реати обращается, например, к Хайдеггеру и цитирует его работы, но в том, что сделанное Хайдеггером оказалось настолько глобальным, что проникло и в богословие. И здесь мы уже должны отметить, что это не просто и не только влияние Хайдеггера, но указанного выше развития философии вообще.

Сегодня мы находимся в такой ситуации, когда не только «Бог умер», но «умер» и «человек». Когда в современной философии говорится «человек», то понимается под этим не то, что понималось, например, в немецкой классике. Измерения «человека» лежат теперь исключительно в плоскости «посюстороннего» бытия. «Человек» оказался один посреди равнодушно к нему бытия. Но при этом не появился «сверхчеловек», о котором мечтал Ницше. Оказавшись один, «человек» должен был стать самодостаточным, ведь теперь он – цель и мера самого себя. В работе о Ницше Хайдеггер пишет: «...новое полагание сущности человека становится необходимым. Однако, так как «Бог мертв», всё, что должно стать для него мерой и средоточием, может быть лишь самим человеком» [5, с. 33]. Но путь к «человеку» оказался для многих разочарованием и потерей «человека». Каждое движение к «человеку» (Хайдеггер, Сартр, Фуко, Бодрийяр и др.) во многом оказывалось опрокидыванием «человека» с занятых позиций, но не возведением его на более высокие, о чём мечтал Ницше. «Человек» движется к «ничто», и «философия человека» давно уже, так или иначе, вращается вокруг этого понятия. И хотя еще в начале XIX века были попытки позитивно подойти к «ничто», до сих пор это понятие связано с негативностью и страхом абсолютной потери человека. Так, например, в работе современного российского философа Сапронова мы находим негативное отношение к построению развернутой онтологии «ничто» [4], [5]. Позитивно использовать категорию «ничто» для понимания человека попытался Сартр в своем фундаментальном труде «Бытие и ничто» [3]. Эта категория оказалась необхо-

дима ему для того, чтобы объяснить сознание и взаимодействие сознания с бытием.

Весь тот круг вопросов, который прорисовывается проблемой «ничто», открывает для нас различные перспективы исследования «человека». Однако сложность понимания самой категории, чётко обозначенная в статье Хайдеггера «Что такое метафизика?», становится для исследователей довольно высоким порогом, перешагнуть через который не так-то просто. Хайдеггер говорит о том, что мысль, подчиняясь законам разума, опирающегося на логику, либо приходит в тупик противоречий, либо снимает их простым, доступным и, казалось бы, очевидным способом: «ничто» объявляется просто отрицанием «сущего» и превращается в чистую абстракцию. Однако от такого упрощения Хайдеггер предостерегает и прямо говорит, что «ничто» переживается в особых состояниях до того, как приходит логичный разум.

Одно из состояний, открывающих «ничто», Хайдеггер видит в настроении «ужаса». Он проводит границу между боязливостью, рождающейся из страха перед определенностью, очерченностью причины и предмета, и «ужасом», возникающим перед тем, что невозможно как-то определить. Он называет это состояние «фундаментальное настроение ужаса». Именно через это настроение, по Хайдеггеру, является нам «ничто». Признаки «ничто», обнаруживаемые в ужасе, таятся в «оцепенелом покое», в «неопределенности», в вещах, которые «повертываются к нам этим своим оседанием как таковым», в «ускользании сущего». Хайдеггер пишет: «Поскольку сущее в целом ускользает и надвигается прямое Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение с его «есть»... С ясностью понимания, держащейся на свежести воспоминания, мы вынуждены признать: там, перед чем и по поводу чего нас охватил ужас, не было, «собственно», ничего. Так оно и сеть: само Ничто – как таковое – явилось нам» [7, с. 33]. В этом смысле «ничто» становится сродни небытию, сродни несуществованию.

«Ужас» дает ощущение потери, ощущение невозможности ухватиться за привычное нам и единственно возможное в нашем способе бытия. Вот здесь и приходит слово «ничто» как одно из тех, которые помогают высказаться об этом состоянии. А затем рождается осмысление «ничто» как понятия. С этого момента мы пытаемся

объяснить пережитое, но как это сделать, если разум, пользуясь привычными, а может, и единственно возможными способами, заводит нас в тупик. Хайдеггер предложил говорить не столько о том, что же такое это «ничто», но как проявляется и как переживается, как мы сталкиваемся с «ничто».

Позитивным смыслом наполняет «ничто» Хайдеггер или негативным? С методологической точки зрения, это понятие позитивно, т. к., по мысли Хайдеггера, позволяет увидеть, как разворачивается метафизический вопрос и чем, в этом смысле, является метафизика. Не случайно статья называется «Что такое метафизика?», а речь идет об одной из проблем, рассматриваемых в метафизике. Кроме того, Хайдеггер утверждает, что поставивший вопрос и раскрывающий его оказывается сам втянут в метафизику. Важность вопроса о «ничто» Хайдеггер обозначает следующим образом: «...самым твердым, но и самым безошибочным пробирным камнем, определяющим подлинность мысли и силу какого-либо философа, является ответ на вопрос, не постигает ли он в бытии сущего сразу же и основательно близость ничто. Кому это не удастся, тот окончательно и безнадежно находится за пределами философии» [6, с. 397]. Подводя нас к тому, что есть вещи, которые нельзя просто продумать, а их необходимо пережить, Хайдеггер предлагает нам не просто подвергнуть «ничто» рациональному анализу, но попытаться открыть «ничто» через те «фундаментальные настроения», которыми оказывается охвачен человек. Рациональному анализу, таким образом, подвергаются состояния и переживания человека или, точнее, то, что происходит с Dasein. В этом смысле категория «ничто» открывает различные перспективы исследования человеческой сущности и бытия.

С другой стороны, «ничто» остаётся наполнено негативным содержанием, ибо сам «ужас» – это совсем не позитивное настроение. «Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы» [7, с. 32]. Как является нам «ничто», вызывающее ужас? Ведь не просто внезапно сам по себе возникший ужас открывает вдруг «ничто». Ужас должен возникнуть из прикосновения к «ничто» и от невозможности осознать его в привычных нам способах, невозможности соотносить с тем, что мы знаем в явленном нам «ничто».

Возможность ухватиться за «сущее» «этого бытия» оказывается не просто бесполезным, но и бессмысленным. Здесь и возникает «проседание сущего»: «сущее» больше не может говорить нам, стать для нас опорой. По мысли Хайдеггера, не в «ужасе» открывается «ничто», но «ужасом».

Прикосновение к «ничто» происходит в проживании сильных эмоций и совершенно иного для нас опыта, который приходит с ними. Радость, счастье, отрешенность в чрезвычайном напряжении физических и психических сил дают нам возможность отвлечься от привычного бытия, отвлечься от прошлого и будущего, сосредоточиться только на том, что есть сейчас, в эту сиюминутность. И вот здесь мы оказываемся принципиально в иной ситуации. Мы оказываемся в состоянии чистого существования, в той точке, которая все время ускользает от нас в «этом бытии», в которой нет необходимости взаимодействия с прошлым и будущим, и «сущее», корнящееся в них, ускользает. И вот здесь открывается «ничто», невыразимое и невозможное в нашем способе существования. «Ничто» не оказывается противопоставлено бытию, как отмечает Хайдеггер, оно «уже не остается неопределенной противоположностью сущего, а открывает свою принадлежность к бытию сущего» [7, с. 40].

«В ужасе происходит отшатывание от чего-то, но это отшатывание не бегство, а оцепенелый покой» [7, с. 34]. Бегство невозможно, т. к. такое состояние возможно, когда остаётся чистое «присутствие». Невозможно бежать из точки своего существования. Что происходит дальше? Дальше можно лишь вернуться в привычное состояние, опять погрузиться в бытие, опять быть им захваченным, опять оказаться в привычном мире, где есть прошлое и будущее, где существует время, и такое время, какое мы можем воспринимать здесь. И всё же из кажущейся негативности «ужаса» и «ничто» Хайдеггер приводит нас к мысли о том, что «Ничто есть условие раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [7, с. 35]. Таким образом, получается, что категория наполняется в большей степени позитивным смыслом.

Из подхода, предложенного Хайдеггером, выводятся разные следствия, но вот что нас интересует сейчас – состояние «чистого присутствия» [7, с. 33], возможное при встрече с «ничто». Пока «присутствие» (Dasein) «захвачено»

бытием, оно не открыто само себе. Поглощенность бытием заставляет нас быть обращенным к «сущему» в его повседневности, обыденности. Вещи и события завладевают нами настолько, что даже наше собственное «чистое существование» оказывается заслонено для нас. В этой поглощенности бытием теряется то, чем мы на самом деле являемся. Но что же остаётся? Остаётся то, что включено в бытие и взаимодействует с ним – «личность». «Личность» формируется в бытии и вполне соответствует бытию, которым захвачена. Но вокруг чего формируется «личность»? Что составляет её ядро? И есть ли это ядро? Почему Хайдеггер говорит, о том, что возможно пережить состояние «чистого присутствия»? Наверное, дело в том, что при состоянии «ужаса» вместе с бытием отступает и нечто, содержащееся в нас, в нашем сознании. Отступает то, что привязано к бытию, и как бы отодвигается вместе с ним в этот момент. Всё, что было направлено на бытие, на «сущее», всё, что было захвачено им, должно отступить, чтобы дать возможность пережить «чистое присутствие». Это происходит, по мысли Хайдеггера, когда мы соприкасаемся с «ужасом». «Ничто» открывается нам, как то, чему нет названия, как то, чего мы не видим в бытии. Но «ничто» не приходит откуда-то, оно постоянно рядом и готово прорваться в любой момент, говорит Хайдеггер. Почему так? «Ничто» заключено в бытии, но где и как? Очевидно, оно в человеке (эта мысль становится отправной точкой для Сартра). Человек является носителем «ничто». Но обозначить сознание как «ничто» странно. Сознание взаимодействует с бытием, бытие оказывает влияние на сознание. Эта связь глобальна и неразрывна, и, если бытие отступает, что-то в сознании должно отступить вместе с ним. Но должно остаться какое-то ядро, способное переживать себя. Обозначим это ядро как «Я» (чистое присутствие). В момент, когда бытие отступило, и исчезли интенции сознания, и закончилось привычное взаимодействие с бытием, открывается то, что ранее было заслонено. И вот это открывшееся нам в себе оказывается невозможным связать с тем, что знакомо в бытии, с тем, что имеет характеристики бытия, но это нечто наличествует настолько, что оказывается вдруг тем самым, что мы и есть на самом деле. Поэтому предложено обозначить его термином «Я». Но это открывшееся, наличествуя,

не обладает теми характеристиками, какими обладает бытие, и мы должны обозначить его как «ничто», точнее, как обладающее характеристиками «ничто». Но при этом не стоит воспринимать это «ничто» как «небытие». Это «ничто» не обладает характеристикой отсутствия. «Я» никуда не исчезло, но, открывшись, оно не совпало с бытием. Поэтому «ничто» – это тотальное несовпадение. Здесь открывается перспектива не поместить «Я» в небытие при отсутствии совпадения с бытием.

Почему важно обозначить «ничто» как тотальное несовпадение? Для того, чтобы уйти от соблазна отождествить его с небытием. Такой подход мы находим у Сартра, когда он говорит о «ничто». Однако стоит отметить, что в своей работе «Бытие и ничто» Сартр не следует простому отождествлению «ничто» и небытия, в некоторых случаях, особенно когда он говорит о поиске «онтологического начала» сознания, «ничто» оказывается противопоставлено бытию, но не в смысле отрицания (небытия), а в смысле несовпадения с ним по своим свойствам и характеристикам.

Сартр пишет: «...сознание содержит в-себе как онтологическое начало в самом себе...» [3, с. 62]. Что есть «в-себе» как онтологическое начало сознания? Для Сартра возникают две глобальные проблемы: «бытие-в-себе» и «бытие-для-себя». При этом он говорит, что сознание есть не просто «бытие-в-себе», но оно содержит «в-себе». Причем «в-себе» есть онтологическая основа сознания. Является ли «в-себе» ядром сознания? Пожалуй, да. Но есть ли основания этого ядра? Возможно ли оно как таковое в бытии само по себе? Если мы ответим утвердительно, то ядро, принадлежащее бытию, оказавшись сродни бытию, искусственно наделяется неким особым статусом внутри этого бытия, и бытие перестаёт быть однородным. Оно становится разным и грозит, вследствие этого, утратить свою целостность. Если мы пойдем по этому пути поиска онтологического основания ядра, то выведем ядро ядра и дальше ядро ядра и т. д., проваливаясь в дурную бесконечность. Можно ли вывести основание «в-себе» за пределы бытия? Только парадоксальным образом. Поместив это основание туда, где нет существования и нет несуществования, т. е. в «ничто». Возможно, в этом кроется также некая искусственность. Разрешить проблему человека,

на мой взгляд, невозможно строго логическим способом, но лишь парадоксальным. На это указывал и Хайдеггер, раскрывая проблему «ничто». «Ничто», как было показано выше, оказалось невозможно раскрыть строго логически, но только через переживание, в котором разум отступает, и это переживание становится отправной точкой вопроса о «ничто» [7, с. 33]. Но для Хайдеггера «человеческое присутствие означает выдвинутость в Ничто» [7, с. 35], из чего следует, что и вопрос о человеке, а также вопрос о бытии не решается без обращения к «ничто».

Сартр поднимает проблему «ничто как отрицания»: «...есть ли отрицание как структура суждения источника ничто или, наоборот, ничто как структура реального есть источник и основание отрицания?» Такая постановка вопроса неизбежно отсылает нас к небытию, о чем (в смысле о небытии) Сартр и начинает говорить уже в следующем абзаце. Отрицать в бытие чего-либо может только небытие. Но «ничто», если действительно оно «НИЧТО», не может отрицать бытие, ибо оно должно тогда стать противоположностью бытию. «Ничто» не отрицает бытие, только так оно может сохранить свою ничтожность, т. к. отрицать значит уже привязаться к бытию, наложить на себя его отпечаток. «Ничто» не совпадает с бытием и поэтому не может ни отрицать, ни утверждать.

Особым вопросом в современной философии является проблема неизменности «Я». «Я», помещённое в бытие, должно быть текучим, как и всё в бытии, поэтому чаще всего говорится о невозможности существования неизменного «Я». Но может ли быть таковым ядро сознания или ядро личности? Если всё текуче и изменяемо и ядра сознания нет, то человек постепенно должен измениться настолько, что самоотожествление с «собой в прошлом» в какой-то момент окажется невозможным даже с помощью памяти. Мне кажется, что невозможно было бы сказать, что «вот это видел я» или «вот это чувствовал я», ибо что-то всё же является носителем памяти и что-то обеспечивает целостность сознания и возможность отождествления себя и именно себя с тем, что уже когда-то случилось со мной.

Если «Я» неизменно, то находиться в бытии оно не может, ибо в бытии всё изменяемо. Неизменное «Я» не может быть небытием, т. к. оно должно явить себя из небытия в бытие, став

этим самым бытием, и затем опять уйти в небытие. Но стать бытием «Я» не может, т. к. не совпадает с ним, следовательно, возникнуть из небытия оно не может. С небытием «Я» также не совпадает. «Я» явлено в бытии через личность. Это и есть основная связь «Я» и бытия. Если «Я» находится в небытии, то в бытии оно присутствовать не может, оно не может быть явленным. Если мы скажем, что это постоянный процесс перехода небытие-бытие-небытие, то чем это отличает «Я» от других элементов бытия или от бытия как такового? Но очевидно, что «Я» отлично от бытия. Отталкиваясь от положения несовпадения «Я» с бытием, мы не в состоянии поместить его в небытие, ибо оно дол-

жно там тогда и оставаться. Но небытие все время становится бытием и опять возвращается к себе. «Я» не может участвовать в этом процессе, т. к. уже было сказано, что в этом случае оно само должно стать бытием. Но это не так.

Обозначенный в статье подход к проблеме «человека» является лишь возможным подступом к дальнейшему (после Сартра) философскому разговору о «человеке» в связи с понятием «ничто». Такое исследование сегодня особенно явно обозначило свою актуальность в связи с переосмыслением и переоценкой того, что же мы понимаем в философии сегодня, когда говорим «человек».

03.06.2014

Список литературы:

1. Реати, Ф.Э. Религия как освобождающая сила в философии XX века / Ф.Э. Реати. – СПб.: Европейский Дом, 2001. – 96 с.
2. Реати, Ф.Э. Бог в XX веке: человек – путь к пониманию Бога (Западное богословие XX века) / Ф.Э. Реати. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 187 с.
3. Сартр, Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Астрель, 2012. – 925 с.
4. Сапронов, П.А. О бытии ничто / П.А. Сапронов. – СПб.: РХГА, 2011. – 368 с.
5. Хайдеггер, М. Ницше. Том II / М. Хайдеггер. – СПб.: «Владимир Даль», 2007. – 458с.
6. Хайдеггер, М. Ницше. Том I / М. Хайдеггер. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 604с.
7. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер // Что такое метафизика? – М.: Академический проект, 2007. – 303 с.

Сведения об авторе:

Воропаев Дмитрий Николаевич, доцент кафедры философии, культурологии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат философских наук, доцент

460014, Оренбург, ул. Советская 19, тел. (3532) 331040, (3532) 772452, e-mail: div79@bk.ru